

УДК 94
DOI 10.52452/19931778_2021_4_78

ГЕНЕАЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИНАСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗА ПРЕСТОЛ МЕЖДУ ХАРАЛЬДОМ III СУРОВЫМ И СВЕЙНОМ II ЭСТРИДСЕНОМ

© 2021 г.

Д.Н. Суходольский

Московский педагогический государственный университет, Москва

dima2693@mail.ru

Поступила в редакцию 25.12.2020

Скандинавские родовые и королевские саги, а также другие письменные источники, посвященные Скандинавии эпохи викингов, уделяют значительное внимание генеалогии, которая играла не последнюю роль в политической жизни региона на протяжении всей эпохи викингов (VIII–XI вв.). Один из наиболее ярких примеров того, насколько значима была генеалогия для древнескандинавского общества, относится к середине XI в., когда развернулась борьба между норвежским конунгом Харальдом III Суровым и датским конунгом Свейном II Эстридсеном за власть над Данией и Норвегией. На основе анализа труда Снорри Стурлусона «Круг земной» (*Heimskringla*), а также саги о Кнютлингах и труда Адама Бременского «Деяния архиепископов Гамбургской Церкви» (*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*) рассматривается вопрос о том, как норвежский конунг Харальд III Суровый и датский конунг Свейн II Эстридсен использовали различные генеалогические инструменты в борьбе за датский престол, разгоревшейся после смерти норвежско-датского конунга Магнуса I Доброго в 1047 г. Оба кандидата имели сомнительные династические права на престол, что и привело к необходимости использовать генеалогию как средство легитимации собственной власти как в Норвегии, так и в Дании. Среди способов, которые использовали конунги для легитимации своей власти, были смена патронима, принятие нового имени, апеллирование к родству по матери и другие.

Ключевые слова: Харальд III Суровый, Свейн II Эстридсен, генеалогия, родственные связи, «Круг земной», Снорри Стурлусон, «Деяния архиепископов Гамбургской Церкви», Адам Бременский.

Период первой половины XI в. тесно связан с процессом формирования централизованных государств в Скандинавии и характеризуется как внутренними смутами, так и серьезными внешнеполитическими потрясениями, конфликтами между формирующимися государствами. Одной из наиболее ярких страниц такого противостояния является борьба норвежского конунга Харальда III Сурового (1046–1066) и датского конунга Свейна II Эстридсена (1047–1076) за датский престол, разгоревшаяся после смерти конунга Магнуса I Доброго в 1047 г. Истоки этого конфликта лежат сразу в нескольких плоскостях и связаны, прежде всего, с внутренними династическими кризисами, возникшими в Норвегии и Дании в XI в. В 1016 г. датский конунг Кнуд Великий (1018–1035) закончил завоевание Англии, начатое еще его отцом Свейном I Виллобородым (986–1014), и создал единую Англо-Датскую державу, ядром которой стала Англия [1, с. 221]. Переселившись в Англию, Кнуд Великий оставил в Дании вместо себя наместников из числа своих сыновей и ярлов: «В Дании он оставил править своего сына Хёрдакнута и при нем Ульва ярла сына Торгильса, Спракалегга. Ульв был женат на Астрид дочери Свейна конунга, сестре Кнута Могучего. У них был сын Свейн, который стал

потом конунгом Дании. Ульв ярл был человек очень известный» [2, с. 246]. Отсутствие в Дании Кнуда позволило норвежцам во главе с конунгом Олавом II начать войну с Данией, которая, однако, окончилась поражением норвежцев и бегством Олава из страны.

В 1030 г. в битве при Стикластадире норвежскими бондами, которые поддерживали Кнуда Великого, был окончательно разбит норвежский конунг Олав II, пытавшийся вернуть власть над страной. После поражения и гибели Олава II Норвегия стала частью державы Кнуда Великого [2, с. 276]. Однако, несмотря на череду побед и включение Норвегии в состав державы Кнуда Великого, датское правление привело к недовольству норвежских бондов: «Когда о засильи датчан пошли разговоры, то все стали говорить, что трэнды больше всех виноваты в том, что конунга Олава II Святого не стало в стране и что норвежцы попали под этот гнет, который принес им кабалу и рабство, и богатым, и бедным, и всему народу» [2, с. 322]. Смерть Кнуда Великого в 1035 г. позволила норвежцам, недовольным датской политикой в Норвегии, сделать конунгом внебрачного сына Олава – Магнуса I Доброго, росшего при дворе Ярослава Мудрого [3, с. 110]. С приходом к власти Магнуса I военные действия между нор-

вежцами и датчанами возобновились. Единственный законный сын Кнуда Великого Хардекнуд (1035–1042) пытался вернуть контроль над Норвегией, но ему не удалось этого сделать. В конечном итоге между Хардекнудом и Магнусом I был заключен договор, что в случае отсутствия законного наследника, после смерти одного из них, власть переходит к другому. Со смертью Хардекнуда в 1042 г. датская правящая династия пресеклась по мужской линии, и, согласно ранее заключенному договору, который был скреплен виднейшими датскими и норвежскими бондами, Магнус I был провозглашен на датских тингах правителем Дании. Таким образом, под его властью оказались Дания, и Норвегия [4, р. 112].

Однако относительное мирное правление конунга Магнуса I было омрачено двумя значимыми событиями. С одной стороны, племянник Кнуда Великого, сын его сестры Астрид, Свейн II Эстридсен заявил свои права на датский престол, нарушая клятвы верности, которые были даны Магнусу I, и безуспешно пытался захватить власть, при этом неизменно пользуясь поддержкой датской знати и бондов [2, с. 339]. С другой стороны, в этот же момент, в 1046 г., из Византии в Скандинавию возвратился единокровный брат Олава II Святого и старший родственник Магнуса I – Харальд III Суровый, который также претендовал на норвежский престол [5, с. 83]. В первую очередь он апеллировал к тому, что в Норвегии в X–XI вв. не существовало четкого порядка наследования власти, а потому любой потомок норвежского конунга Харальда I Прекрасноволосого, к числу которых относился и он, мог претендовать на норвежский трон [6, с. 510]. По этой причине, будучи старшим в роду, Харальд III Суровый заявил свои права на власть над Норвегией. При этом его слава и богатство, приобретенное во время службы в Византии, обеспечили ему популярность и определенную поддержку бондов. Поэтому по договоренности Магнус I, стараясь избежать междоусобицы внутри Норвегии, поделил с Харальдом III власть в Норвегии пополам [2, с. 363].

Однако перед своей смертью в 1047 г. молодой конунг Магнус I завещал конунгу Харальду III лишь Норвегию, а своему давнему противнику Свейну II завещал Данию [4, р. 182]. И именно этот раздел привел в конечном счете к противостоянию между Свейном II и Харальдом III, которые, к слову, находились друг с другом в определенной, хоть и весьма отдаленной, степени родства и приходились друг другу родственниками, т.е. родственниками по браку (термин *magr* в древнескандинавских источни-

ках) [7, с. 78; 8, с. 252]. После смерти Магнуса I Харальд III Суровый отказался признать права Свейна II на Данию и начал военную кампанию против него, которая с промежутками длилась на протяжении следующих шестнадцати лет до 1064 г., когда Харальд III Суровый все-таки был вынужден признать право Свейна II Эстридсена править Данией [9, с. 68].

Проблема обоснования власти Харальдом III Суровым подробно отражена в ряде древнескандинавских источников, которые, однако, преимущественно относятся к периоду XI–XII вв. Среди них следует выделить «Круг земной» (*Heimskringla*) Снорри Стурлусона, написанный знаменитым исландцем в XIII в. [2], анонимный сборник саг о королях «Гнилая кожа» (*Morkinskinna*), созданный в 1220-х гг. [4], и сборник королевских саг «Красивая кожа» (*Fagrskinna*), написанный несколько позже «Гнилой кожи» [10], а также сагу о Кнютлингах [11]. Все источники рассказывают об одних и тех же событиях и во многом представляют взгляд на проблему с позиции ее главных героев – норвежских конунгов, за исключением саги о Кнютлингах, в которой речь идет о датских правителях. Помимо королевских саг важным источником может быть сочинение Адама Бременского «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» – единственный из источников, автор которого был современником событий и получил часть информации для труда из уст одного из главных участников событий – Свейна II Эстридсена.

В первую очередь следует обратиться к тексту «Гнилой Кожи», которая из всех источников наиболее подробно раскрывает особенности генеалогии Харальда III Сурового. Конунг Харальд III Суровый по матери Асте был единокровным братом конунга Олава II Святого, а с другой стороны он был сыном местного мелкого конунга Сигурда Свины – дальнего потомка конунга Харальда I Прекрасноволосого [4, р. 129], чьи права на престол чисто теоретически были вполне реальны, однако же не имели под собой реальных оснований, так как представители этой ветви рода никогда не правили и не становились норвежскими конунгами. Тем не менее анализ «Гнилой кожи» и других скандинавских источников показывает, что Харальд III Суровый не апеллирует к отцовской генеалогии, предъявляя свои права на Норвегию и наследство конунга Магнуса I Доброго. Весьма вероятно, что это было связано с образом жизни Сигурда Свины, который не питал политических амбиций и куда больше интересовался своим хозяйством: «Что касается характера Сигурда, то, говорят, что он был человек очень работающий и очень хороший хозяин. Он сам вел

хозяйство и следил за скотом и двором. Щегольства он не любил и был неразговорчив. Он был самый мудрый человек во всей Норвегии и очень богатый. Он был человек миролюбивый и справедливый» [2, с. 164]. С другой стороны, это прозвище Сигурда могло носить уничижительный характер, и Харальд стремился не акцентировать внимание на таком родстве. Кроме того, прозвище предка конунга Харальда III Сурового – Сигурда Хриси (*Hrisi*), который был сыном Харальда I Прекрасноволосого, явно намекало на его незаконное происхождение [12, р. 141]. В любом случае такое родство в условиях борьбы за власть как в Норвегии, так и в Дании не было выгодно конунгу Харальду III Суровому. Как отмечает Ф.Б. Успенский, «существенно, что именно в годы правления Харальда Сурового расцветает культ Олава II Святого. При этом почти никто из многочисленных скальдов, прославлявших Харальда, не упоминает его отца и не говорит ни слова о его прямом родстве с Харальдом Прекрасноволосым» [13, с. 45]. Так или иначе, стоит отметить тот факт, что положение Харальда в Норвегии в первые годы его единоличного правления оставалось достаточно шатким, о чем свидетельствует как противостояние конунга Харальда с бондами Грандхейма под предводительством Эйнара Брюхотряса [2, с. 374], так и тот факт, что конунг Харальд в 1048 г. взял в наложницы Тору, дочь влиятельного норвежца и сторонника Магнуса I Доброго Торберга Арнессона, что позволило Харальду примириться с враждебно настроенной против него частью норвежского общества. Таким образом, в стремлении укрепить собственную власть Харальд III Суровый опирался на все возможные инструменты, такие как, например, значимый институт наложничества, что убедительно продемонстрировала Т.Н. Джаксон [3, с. 156]. Однако наиболее важно для легитимации собственной власти было обосновать свои претензии на власть, для чего конунг Харальд в первую очередь всегда обращался к своей второй родовой связи – связи со своим единоутробным братом конунгом Олавом II Святым и своим племянником Магнусом I Добрым, чьи заслуги (и святость первого из них) делали образ Харальда III Сурового как правителя более выигрышным. Так, например, отказывая одному из знатных норвежцев Хакону в титуле ярла, Харальд заявляет следующее: «Олав конунг, мой брат, и Магнус конунг, его сын, когда они правили, допускали, чтобы только один ярл был в стране в одно и то же время. Так и я поступал, с тех пор как стал конунгом. Я не намерен отнимать у Орма ярла звание, которое я прежде ему пожаловал» [2,

с. 377]. Безусловно, тот факт, что Харальд III Суровый во время своего правления при решении различных острых вопросов обращается к памяти и опыту двух предыдущих конунгов, вместо упоминания своего отца Сигурда Свиньи, выглядит логичным и естественным, однако же сложно объяснить полное игнорирование Харальдом своего отца. Вероятно, что отсылка к смутной династической связи и к роду, который за несколько поколений так и не отметился ничем примечательным, или же просто упоминание своего отца вряд ли могли бы укрепить положение конунга Харальда III на троне в условиях напряженной борьбы с конунгом Свейном II и противостояния с норвежскими бондами [13, с. 31]. С другой стороны, апеллируя к наследию конунга Олава II Святого и его сына Магнуса I Доброго, Харальд III Суровый подчеркивал свою взаимосвязь с их успешным правлением, становился преемником и наследником их славы и легитимировал собственную власть. Таким образом, если кто-то противился власти Харальда III, это означало, что они выступали не только против законной власти конунга, но и против его рода и самого небесного покровителя Норвегии – Олава II Святого.

Используя вышеупомянутые генеалогические инструменты Харальд Суровый, несмотря на изначальную шаткость своего положения в Норвегии и отсутствие серьезной поддержки со стороны бондов, смог установить прочную власть в Норвегии и передать ее собственным сыновьям Магнусу и Олаву, тем самым укрепив собственную династию.

Однако кроме Норвегии, конунг Харальд III Суровый претендовал и на Данию. Связано это было с тем, что, по его мнению, Дания, перейдя под власть Магнуса I Доброго, отныне должна принадлежать его роду, т.е. в определенном смысле со временем стать одалем – наследственным владением его рода, а Свейн, который подчинился Магнусу и стал его ярлом [2, с. 338], не имеет права стать конунгом Дании, в то время как Харальд III, наоборот, этим правом обладает [4, р. 182]. Такие претензии конунга Харальда не были безосновательными, ведь норвежские конунги, как отмечал А.Я. Гуревич, говоря о собственных владениях, обозначали их как одаль (*óðal*) или же как «наследство сородичей» (*frændleif*) [14, с. 101]. Хотя, конечно, текст «Гнилой кожи», передающий нам предсмертный диалог Магнуса I и Харальда III, вкладывает в уста Магнуса I слова о том, что Дания принадлежала только ему лично по соглашению с Хардекнудом и датчанами и не переходит к остальному роду, а потому и достается конунгу Свейну II Эстридсену: «It's my ad-

vice, kinsman Haraldr, that you return to your ancestral lands in Norway to protect and govern them in the best possible way but do not aspire to rule here in Denmark, for it was my agreement with Horðaknútr that Denmark should not pass from me to my family, should it come into my possession, and similarly with Norway should it come into his possession. Let King Sveinn have Denmark and hold in in peace» («Я советую тебе, родич Харальд, вернуться в Норвегию, в землю, где правили твои предки, и управлять ей и защищать ее лучшим из возможных способов, но не стремись править здесь, в Дании. Это было мое соглашение с Хёрдакнудом, что от меня Дания не перейдет моей семье, если попадет в мое владение, и также Норвегия, если попадет в его владение. Позволь конунгу Свейну владеть Данией и сохраняй мир») [4, p. 182]. Таким образом, текст «Гнилой кожи» однозначно показывает нам, что по завещанию Магнуса I Доброго и по его соглашению с датским конунгом Хардекнудом Харальд III Суровый не имел права претендовать на Данию, что, однако, не помешало ему бороться за нее.

Также текст «Гнилой кожи», передавая нам последние слова Магнуса, однозначно показывает то, что он признает Свейна II законным правителем Дании и наследником Магнуса. Однако с точки зрения скандинавского права, положение Свейна II Эстридсена на престоле все-таки было не безупречным. По своему отцу Ульфугу Торгильсону, который был наместником Кнуда Великого в Дании в 1024–1026 гг., Свейн мог бы быть ярлом. Этот же титул вручил ему и Магнус, когда завладел Данией. С другой же стороны, по матери конунг Свейн II Эстридсен был потомком династии Горма Старого – основателя династии Кнютлингов, племянником Кнуда Великого и двоюродным братом конунга Хардекнуда по материнской линии [10]. Несмотря на очевидное родство с династией Кнютлингов, Свейн все же оставался сыном своего отца и мог претендовать на датский престол только по линии матери, что делало его кандидатуру далеко не безупречной. Поэтому в условиях борьбы за власть над Данией конунг Свейн II Ульфсон принял не совсем обычный для своей эпохи патроним Эстридсен, который был образован не от имени отца, а от имени его матери Эстрид – родной сестры Хардекнуда. Этот патроним подчеркивал связь конунга Свейна II с великим родом Кнютлингов и давал ему дополнительные права на престол. Однако же наличие подобных связей не являлось гарантией вступления на престол. Как мы видим, для всей Скандинавии характерно то, что власть

всегда передается внутри рода строго по мужской линии [6, с. 510].

Кроме того, примечателен еще один момент в саге о Кнютлингах, в котором упоминается второе имя конунга Свейна II Эстридсена. Повествуя о нем, автор саги пишет: «Han herskede over Danmark i ét år, inden Svend – som tillige hed Magnus, siges det – gjorde rejsning imod ham...» («Он [конунг Магнус Добрый] единолично правил Данией, до того, как Свейн, которого также, вероятно, звали Магнус, не восстал против него») [11]. Далее автор саги приводит генеалогию Свейна так, что не остается сомнений, что речь идет именно о Свейне II Эстридсене: «Han var søn af jarl Ulf – Torgils Knagebens søn. Svends mor var Astrid – datter af kong Svend Tveskæg; hun var en søster til kong Knud den Gamle, og Astrids mor var Sigrid Storråde – Skøgul-Tostes datter» («Он был сыном ярла Ульва – сына Торгильса. Матерью Свейна была дочь конунга Свейна Вилобородого; она была сестрой конунга Кнуда Старого, а матерью Астрид была Сигрид Суровая – дочь Скагула Гости») [11]. Тем самым автор саги отмечает, что конунга Свейна II называли еще и Магнусом – тем же именем, которое носил норвежский конунг Магнус I Добрый. Примечателен тот факт, что это имя, данное сыну Олава II Святого при рождении, было дано ему как христианское имя при угрозе его смерти сразу же после рождения. И Сигват – священник, крестивший Магнуса I, – оправдался перед Олавом II тем, что так звали и Карла Великого, тем самым подчеркивая некую идейную связь между Карлом Великим и Магнусом I [2, с. 235]. Насколько известно, это первый случай использования имени Магнус в Скандинавии. Исходя из этого, можно предположить, что второе имя конунг Свейн II взял уже после смерти конунга Магнуса, в контексте борьбы с Харальдом III за Данию. Это имя, вероятнее всего, должно было подчеркивать законность и преемственность власти Свейна над Данией, которая была вручена Магнусом I Добрым его преемнику – Магнусу Эстридсену, тем самым легитимируя его власть. Ф.Б. Успенский, касаясь второго имени Свейна II Эстридсена – Магнус, также отмечает тот факт, что, вероятнее всего, это имя не было дано Свейну при крещении в детстве, а было взято им в зрелом возрасте как элемент политической борьбы с Харальдом III Суровым и связывало нового датского конунга с предыдущим мирным правлением Магнуса I Доброго [13, с. 52]. В конечном итоге, несмотря на то, что в военном отношении Свейн II Эстридсен не раз терпел поражения от Харальда III Сурового, ему удалось закрепиться в Дании и сохранить ее за своим

родом, что может свидетельствовать о том, что выбранные им генеалогические инструменты – такие, как замена патронима на Эстридсен и принятие второго имени Магнус, оказались действенными.

Таким образом, подводя итог, можно сказать следующее. Согласно текстам саг и хроники Адама Бременского, оба правителя – и Свейн II Эстридсен, и Харальд III Суровый – по различным причинам имели ограниченные права на датский престол. Харальд III – в силу неясного происхождения со стороны отца и завещания Магнуса I Доброго, Свейн II – в силу того, что являлся наследником датских конунгов лишь по женской линии. Оба правителя разрешали это противоречие различными способами, но были и элементы сходства. Например, тот факт, что оба из них в первую очередь в своих претензиях апеллировали к своей женской родне: Харальд к своему единоутробному брату Олаву и его сыну Магнусу, а Свейн – к правящему дому Кнютлингов, к которому он был причастен только по материнской линии.

Так, конунг Харальд III Суровый, подкрепляя свои права на Норвегию и Данию, возводил свою династическую преемственность не к собственному отцу – Сигурду Свинье, а к своим родственникам со стороны матери – конунгу Олаву II Святому и конунгу Магнусу I Доброму. И эта связь укрепляла не только его власть, но и его авторитет, демонстрируя родство как с первым скандинавским святым конунгом Олавом II, чей культ расцвел в период правления конунга Харальда III, так и с его сыном Магнусом I, при котором Норвегия достигла зенита своего могущества. С другой стороны, находилась конунг Свейн II Эстридсен, чьи права на престол, с точки зрения Харальда III, были ограничены как происхождением Свейна II, так и его подчиненным положением Магнусу I, ведь однажды подчинившись сородичу Харальда III и приняв титул ярла из его рук, он должен был подчиняться и Харальду III, чья власть простиралась как на Норвегию, так и на Данию. Поэтому для укрепления своих прав на Датскую державу конунг Свейн II использовал ряд важных инструментов – таких, как смена собственного патронима Ульфсон на патроним, образованный от имени матери – Эстридсен, что подчеркивало его связь с родом Кнуда Великого и теоретически давало ему власть над всей его державой, включавшей не только Данию, но и Англию с Норвегией. Исходя из этого, можно предположить, что смена патронима играла не только внутреннюю роль (укрепление положения Свейна в Дании), но и внешнюю (подчеркивая преемственность с родом Кнютлингов,

Свейн мог демонстрировать Харальду то, что при наличии возможностей он может претендовать и на власть над Норвегией, которой владеет Харальд). Можно предположить, что это, наряду с прочной поддержкой датчанами Свейна, позволило к 1064 г. заключить перемирие между Харальдом III и Свейном II, о котором Снорри Стурлусон сообщает так: «В конце концов между конунгами было достигнуто соглашение о том, что Харальд должен владеть Норвегией, Свейн – Данией с соблюдением тех рубежей, какие издавна существовали между Норвегией и Данией. Ни тот ни другой не должны платить возмещение. Военные действия, какие были, должны прекратиться, и что кому досталось, пусть тот это удержит. Мир должен соблюдаться, пока они остаются конунгами. Этот договор был скреплен клятвами» [2, с. 392]. С другой стороны, как сообщает сага о Кнютлингах, конунг Свейн II Эстридсен взял себе и второе имя – Магнус, которое должно было показать его связь с правителем Магнусом I Добрым и подчеркнуть законность претензий Свейна II на Данию.

Таким образом, оба правителя, пользуясь различными генеалогическими и династическими инструментами, смогли, с одной стороны, укрепиться в собственных государствах и передать власть своим сыновьям, но, с другой стороны, не имея достаточной поддержки среди населения Дании и Норвегии, вынуждены были отказаться от претензий на власть над противоборствующей страной.

Список литературы

1. Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке: итоги и последствия // Средние века. Вып. 64. М.: Наука, 2003. С. 220–245.
2. Снорри Стурлусон. Круг земной / Пер. А.Я. Гуревича, Ю.К. Кузьменко, И.М. Стеблин-Каменского, О.А. Смирницкой. М.: Наука, 1980. 541 с.
3. Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М.: Языки русской культуры, 2000. 192 с.
4. Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Transl. by Th.M. Andersson, K.E. Gade. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2012. 576 p.
5. Джаксон Т.Н. О золоте, власти, пирах и дарах в средневековой Норвегии // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV чтения памяти В.Т. Папуто. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 82–88.
6. Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 800 с.
7. Джаксон Т.Н. Mágar Харальд Сигурдарсон и Свен Эстридсен (о брачных связях и политических альянсах в средневековой Скандинавии) // Восточная

Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 74–80.

8. Успенский Ф.Б. К изучению династической истории Швеции XI в.: Конунг Стейнкель в «Саге о Хервёре» и у Адама Бременского // Древнейшие государства Восточной Европы 2003 г.: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Восточная литература, 2005. С. 251–263.

9. Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви / Пер. И.В. Дьяконова // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. С. 7–155.

10. Fagrskinna: A Catalogue of the Kings of Norway / Transl. by A. Finlay. Leiden; Boston: Brill, 2004. 334 p.

11. Knutlingernes saga // Oversat af Jesper Lauridsen, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.heimskringla.no/wiki/Knytlingernes_saga#Om_Hardeknud (дата обращения: 23.12.2020).

12. Dictionary of Old Icelandic by Geir T. Zoëga. Oxford: Clarendon press, 1910. 354 p.

13. Успенский Ф.Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.: Языки русской культуры, 2001. 160 с.

14. Гуревич А.Я. История и сага. М.: Наука, 1972. 202 с.

GENEALOGY AS AN INSTRUMENT OF THE DYNASTIC STRUGGLE FOR THE THRONE BETWEEN HARALD III HARDRADA AND SVEIN II ESTRIDSEN

D.N. Sukhodolskiy

Based on a comparative historical analysis of the «Heimskringla» by Snorri Sturluson and «The Saga of Knutlings», the dynastic struggle between King Harald III and king Svein II Estridsen for the possession of the Danish throne is considered. One of the most important aspects of the confrontation between the kings was that after the death of Danish king Hardeknud, the Knutling dynasty in the male line was crushed, and the question of the legitimate heir remained open. For a short time, Norwegian king Magnus the Good was the ruler of both kingdom, but after his death Norwegian king Harald entered the struggle with Svein for the Danish throne. Both of them used genealogy as one of the tool of the struggle. Thus, king Harald primarily emphasized his maternal kinship with king Olav the Saint while king Svein II referred in a similar way to his famous maternal ancestors from the Knutling's dynasty.

Keywords: Harald Hardrada, Svein Estridsen, genealogy, family ties.

References

1. Gorelov M.M. Danish and Norman conquests of England in the XI century: results and consequences // The Middle Ages. Issue 64. Moscow: Nauka, 2003. P. 220–245.

2. Snorri Sturluson. The Circle of the Earth / Translated by A.Ya. Gurevich, Yu.K. Kuzmenko, I.M. Steblin-Kamensky, O.A. Smirnitkaya. M.: Science, 1980. 541 p.

3. Russian Kings in Russia: from the history of Russian-Norwegian political relations of the last third of the X – first half of the XI century. M.: Languages of Russian culture, 2000. 192 p.

4. Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Transl. by Th.M. Andersson, K.E. Gade. Ithaca, N.Y.: Cornell University press, 2012. 576 p.

5. Jaxon T.N. About gold, power, feasts and gifts in medieval Norway // Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. XXV Readings in memory of V.T. Pashuto. M.: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2013. P. 82–88.

6. Svanidze A.A. Vikings – people of the saga: life and morals. M.: New Literary Review, 2014. 800 p.

7. Jakson T.N. Mágar Harald Sigurdarson and Sven Estridsen (on marital ties and political alliances in medieval Scandinavia) // Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages: Genealogy as a form of historical memory.

XIII Readings in memory of V.T. Pashuto. M.: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 74–80.

8. Uspensky F.B. To the study of the dynastic history of Sweden XI century: King of Stancel in «the Saga of Herver» and Adam of Bremen // The Ancient States of Eastern Europe 2003: Imaginary reality in ancient and medieval texts / Ed. by T.N. Jackson. M.: Oriental literature, 2005. P. 251–263.

9. Adam of Bremen. Acts of the Archbishops of the Hamburg Church / Transl. by I.V. Diakonov // Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lubeck. Slavic Chronicles. M.: SPSL; Russian Panorama, 2011. P. 7–155.

10. Fagrskinna: A Catalogue of the Kings of Norway / Transl. by A. Finlay. Leiden; Boston: Brill, 2004. 334 p.

11. Knutlingernes saga // Oversat af Jesper Lauridsen, 2016 [Electronic resource]. URL: http://www.heimskringla.no/wiki/Knytlingernes_saga#Om_Hardeknud (Date of access: 23.12.2020).

12. Dictionary of Old Icelandic by Geir T. Zoega. Oxford: Clarendon press, 1910. 354 p.

13. Uspensky F.B. Name and power: The choice of a name as an instrument of dynastic struggle in medieval Scandinavia. M.: Languages of Russian culture, 2001. 160 p.

14. Gurevich A.Ya. History and saga. M.: Science, 1972. 202 p.